

МУЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 069:316.7

А. С. Дриккер

ПОТЕНЦИАЛ МУЗЕЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ*

Лавинообразное нарастание числа музеев, количества посетителей, специалистов в музейной сфере можно объяснить ростом досуга и туризма в обществе потребления, развитием индустрии развлечений, модой и другими поверхностными причинами. Но, может быть, этот феномен связан и с более глубинными закономерностями?

Визуальный канал в эволюционном движении

Рассмотрим культурное развитие как результат селекции, отбирающей более жизнестойких, приспособленных мутантов – субкультуры. Адаптация к вариативной, динамичной внешней среде в животном мире реализуется за счет совершенствования восприятия и ответных реакций. В ходе морфогенеза первостепенно акцентируется значение усложняющихся органов чувств и опорно-двигательного аппарата, при этом суммарная эффективность здесь определяется интегрирующим действием нервной системы.

Интересно, что наиболее сложно организованная – зрительная – система имеет едва ли не самую длинную историю. Уже медуза имеет на щупальцах светочувствительные клетки, а подобные клетки червей более многочисленны на голове, представляя «протоорганы» зрения. Развитие высших органов чувств начинается не со слуховой, а со зрительной модальности, максимально информационно насыщенной. Примитивный «мозг» насекомых – ганглии – иннервируют, в первую очередь, именно глаза.

Для homo sapiens – вида, сугубо коллективного и обретающего культурные навыки в социальном научении, – первостепенное значение имеют те органы чувств, которым соответствуют дистантные анализаторы и сигнальные системы, способные обеспечить достаточно высокую скорость передачи информации¹.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант РФФИ № 10-06-00178-а).

¹ См.: *Клягин Н. В.* Современная научная картина мира. М., 2007.

Обоняние было отброшено с магистрального пути, вероятно, в связи со слишком большой сложностью регулирования «химии». Визуальный канал также отличался явными дефектами. Во-первых, асимметрией: зрение приносило гигантское количество информации, однако жестикуляция и мимика не гарантировали ни надежности, ни насыщенности связи. Во-вторых, этот канал не являлся универсальным: он не работал в темное время суток и в отсутствии прямой видимости.

В развитии первобытного человека первостепенную роль играли слух и становление речи, зачатки которой антропологи относят еще к стадии архантропа. Генетически закрепляемая способность к тонкому модулированию и восприятию звуков, появление эффективного кода – языка – и надежного речевого канала передачи ширящегося культурного опыта характеризует все выживающие группы кроманьонцев².

Потенциал самого древнего и скоростного визуального канала, обогащенного совершенным (в сравнении с другими млекопитающими) цветовым зрением, культура сохраняла для решения более серьезных задач. Хотя, конечно, визуальное восприятие, без которого немыслима охотничья деятельность, технологический прогресс, постоянно усложнялось. Развитие его зримо проявлялось в изобразительной деятельности, изыскивавшей все более разнообразные, сложные, практические либо абстрактные цели и формы.

От Альтамиры до Лувра

Решительное культурное ускорение связано с появлением письменности, интегрирующей акустическое и зрительное восприятие, когда слова, понятия, а затем звуки фиксируются с помощью знаков и приводят к психическому взаимодействию зрительных и слуховых центров мозга.

Подобное психическое усложнение отображается в культуре опирающимся на оба основных канала восприятия жанровым богатством, избытком творческих решений: архитектурных и живописных, литературных и поэтических, музыкальных. Одновременно изобразительный язык эмансипируется, зрительные образы, рождаемые пирамидами и дворцами древних царств, насыщающие атмосферу средневековых соборов, возбуждаемые творениями Леонардо, Дюрера, Рубенса, становятся одной из фундаментальных составляющих картины мира. Культура и искусство вступают на продолжающийся по сей день длинный путь поиска вариативных версий столь изощренных изобразительных языков.

Однако новоевропейская культура, с ее глобальным дифференциальным анализом и всеобщей интеграцией, – это культура рациональная, она базируется на вербальности. Теоретические основания ее более всего и достаточно очевидно сформированы, так сказать, «словесностью». Наблюдаемое в течение последних столетий фронтальное наступление математики, естественных наук – прямое следствие ведущей вербальной рациональности.

² См.: Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., 1974.

Но сохраняя вплоть до XX в. аристократические корни, буржуазная культура поддерживает, совершенствуется в параллель с вербальным языком каналы акустический и визуальный. Однако в сравнении как с литературной, так и с музыкальной линией изобразительное искусство оказывается достаточно консервативным.

С помощью типографского прогресса печатное слово проникает во все более широкие слои, грамотность становится основой демократических цивилизационных достижений. Музыка также активно трансформируется в связи с изменением системы temperation, развитием инструментального многообразия, появлением новых концертно-исполнительских форм, жанров, а уже с начала XX в. – с активным внедрением систем звукозаписи и воспроизведения³.

Только изобразительное искусство, со своими средневековыми инструментами – кистью, холстом – наследием Возрождения, допотопной кропотливой ручной работой художника, остается неподатливым для массового тиражирования. То есть как-то не вписывается в стремительный поток культуры Нового времени, буквально не находя себе места в современной урбанистической организации жилища, а соответственно – и широкого зрителя.

В то же время именно эта явная архаичность изобразительного искусства при ничтожной его эффективности в динамичной культуре останавливает внимание, вызывает некое сомнение: быть может, в бурном ускорении прогресса что-то пропущено, ускользает, и культуре особенно ценно это неуловимое нечто сохранить (конечно, играет роль и пиетет к благородно аристократичному прошлому). Подобное отношение, возможно, и актуализирует роль музея. Хотя музей обретает современные институциональные формы еще в XIX в., подлинный расцвет его связан с демократическим обществом XX в.

Музей в демократическом обществе

Музей, как ни странно, укрепляет свои позиции, статус именно сегодня в условиях, когда массовые коммуникации довольно явственно ориентируются на визуальное восприятие, в частности, благодаря чудесам техники (от фото до цифровых технологий), которые способствуют вариативному освоению гигантской пропускной способности канала.

Цели культурной эволюции неопределенны и противоречивы: с одной стороны, это сохранение культурного наследия. С другой, технологический прорыв и потребности массовой культуры инициируют поиски новых языков, то противоборство классике, которое началось в искусстве нефигуративного авангарда. Как раз с активным использованием визуального канала, с увеличением заявленной еще футуристами в качестве главного признака современности скорости (теперь – это скорость передачи информации) связаны мечты о качественном скачке в новое информационное будущее.

³ См.: Дриккер А. С. Эволюция культуры: информационный отбор. СПб., 2000.

Акцент на увеличении темпа предложения, восприятия, смены впечатлений – базисный принцип актуального изобразительного искусства, которое в ходе культурной революции вытесняет с авансцены искусство классическое.

Правда, увы, спутниковые каналы, с их фантастическими мегабитами в секунду, почему-то практически никак не отражаются на фундаментальном – психологическом – совершенствовании человека. Возможно, технологическое ускорение не согласуется с психофизическими способностями, сформированными эволюцией и неизменными, по крайней мере, последние два с половиной тысячелетия. Лавину сведений и изображений, обрушившихся на современного пользователя, можно назвать информационной революцией. Но если вспомнить слова Н. Винера: «Значение имеет не количество посланной информации, а скорее количество информации, которая может проникнуть в коммуникационные и аккумулирующие аппараты в достаточном количестве для того, чтобы служить в качестве раздражителя действия»⁴, то логичнее ее интерпретировать как шум.

Актуальное изобразительное искусство, начиная с кубизма, акцентирует четкую аналитичность, яркость, «громкость», силу и быстроту воздействия. Это искусство моментальных и все новых впечатлений, его действие явственно и мгновенно, как укол штыка с плаката «Ты записался добровольцем?». А потому оно принципиально не взыскует созерцания, вне которого не существуют полотна Рембрандта и Веласкеса, все «отсталое» классическое искусство, так твердо противостоящее беглому скользящему взгляду. Однако имеют ли подобные взгляды на противостояние, расходящиеся ветви «классики» и авангарда хотя бы приблизительное обоснование в рациональном поле, с модной информационной позиции?

Воздействие пространственного изобразительного искусства возможно характеризовать сложной структурой знаково-эмоциональной информации. Целостность художественного «иллюзионистского» образа, невозможность представить его как сумму дискретов дает основания усмотреть в его воздействии не столько наглядную статическую, сколько динамическую составляющую. Эта важнейшая компонента художественной информации проявляется во множественном, разворачивающемся во времени взаимодействии частей и элементов. Вклад «статики» – это информация о формирующих образ деталях, яркость и ясность которых можно соотнести с мощностью сигнала. Но, согласно аксиоме теории информации, влияние ширины полосы передачи – пространства-времени для проникновенного созерцания – много сильнее мощности стремительного авангардного удара.

Б. М. Бернштейн значительно точнее выразил суть дела, не прибегая к околонучным толкованиям: «В создании и воссоздании синхронного среза бытия – собственная сфера пространственных искусств, и никакое другое искусство их тут не в состоянии заменить.

⁴ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 101.

Именно это свойство позволило пространственным искусствам воплощать синхронно целостные культурные модели мироздания, схватывать и демонстрировать "весь мир"⁵.

(A + B) совсем не всегда равно (B + A), подобная (некоммутативная) алгебра света и визуального мышления, приоткрывающего человеческому сознанию бесконечную геометрическую субстанцию протяженности, и составляет тот секрет, который нашло старое искусство, и отвергает (в силу своих демократических установок) новое. Психологическое взросление человека не поспевает за стремительными внешними переменами (в науке, технике, быте, образе жизни ...). И музей, быть может, сохраняется в эволюции как культурный заповедник для сбережения способностей, сегодня вроде бы неактуальных, но крайне существенных для становления человека чувствующего, а потому – и разумного.

Как удивительно тонко и точно отметил В. Ю. Дукельский: музей – это «пространство публичного одиночества»⁶, одиночества, в котором пронзительный, проникновенный свет искусства способен, подобно ультрафиолету апрельского луча, пробудить спящие чувства и привести к прозрению.

⁵ Бернштейн Б. М. Пространственные искусства как феномен культуры. Искусство в системе культуры. Л., 1987. С. 139-140.

⁶ Дукельский В. Ю. Пространство публичного одиночества // Музей и личность. М., 2007. С. 6.